

## ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

*Длугопольский Александр Владимирович*  
д-р экон. наук, доцент кафедры экономической теории  
*Ивашук Юрий Петрович*  
преподаватель кафедры экономической теории  
Тернопольский национальный экономический университет  
г. Тернополь, Украина

### ОСОБЕННОСТИ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ КООРДИНАТАХ ПОЛИТИКО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

**Аннотация:** в статье обоснована основная проблема развивающихся стран в контексте формирования адекватной институциональной среды социально-экономических реформ – некачественный социальный капитал, способствующий активизации коррупционного поведения экономических агентов. В контексте формирования доверия общества к социально-экономическим реформам, проводимым на государственном уровне, проанализированы базовые ценности общества по шкале «традиционные ценности – рациональные ценности» и «ценности выживания – ценности самовыражения», в контексте теорий Э. Банфилда, Р. Мертон, С. Шварца обосновано влияние религиозных и культурных факторов на высокие показатели развития социального капитала и низкие – коррупции в Скандинавских странах и достаточно низкий уровень доверия в странах с формирующимися рынками (например, в Украине). Построена корреляционно-регрессионная модель взаимосвязи уровня развития социального капитала и коррупции за 2009-2012 гг. Сделаны выводы о бесспорном влиянии институциональных и социокультурных факторов на динамику экономического развития стран мира.

**Введение.** С точки зрения нового институционализма, причиной появления коррупции является неэффективность институциональных рамок общественного развития. Это может проявляться через неэффективность как формальных, так и неформальных норм, а также механизмов обеспечения их соблюдения. Результатом становится общая неэффективность всей институциональной матрицы – ее несоответствие культуре и идеологии общества.

Многочисленные зарубежные исследования (Mauro P., 1995; You J.-S., Khagram S., 2005; Tanzi V., 1998; Sandholtz W., Taagepera R., 2005) акцентируют внимание на том, что зачастую именно исторические и ментальные особенности общества выступают существенным коррупционным фактором. В разных странах в один и тот же исторический период наблюдается разное отношение к этому явлению. Общественное мнение о коррупции меняется от страны к стране, от культуры к культуре. Причем, как отмечают некоторые исследователи (Таксанов А., 2003; Сулакишин С., Максимов С., Ахметзянов И., 2008), существенные различия наблюдаются не только между Старым и Новым Светом, Азией и Африкой, но и внутри относительно гомогенных сообществ – в Западной Европе, например, четко прослеживаются ярко выраженные различия в отношении к коррупции между католическими южными странами латинской культуры (например, Италия) и северными странами, исповедующими протестантизм (например, Швеция).

**Коррупция и институты.** В этом контексте возможно проследить взаимосвязь между историческими обстоятельствами, укоренившейся культурой и типом поведения, обусловленным этими историческими обстоятельствами. Так, например, наличие доминирующих факторов не только политического и материально-экономического, но также идеологического, психологического

характера может стимулировать «разгул» коррупции в стране. В частности, в Украине переход к рыночным отношениям значительной частью граждан был воспринят как полный отказ не только от коммунистической идеологии, но и идеологии вообще. Этот вакуум в условиях отказа от старых ценностей и медленного формирования новых, был заполнен псевдоценностями, которые пропагандировали быстрое обогащение на основе конфликта личных и общественных интересов (*Гончарук Я., Мокий А., Флейчук М., 2008*).

Неэффективность институциональных рамок общества как причина появления коррупции хорошо согласуется со следующим фактом: полиэтнические, многоязычные общества и общества с колониальным прошлым имеют более высокий уровень коррупции. Ведь именно этим обществам труднее сформировать эффективные институциональные рамки, которые отвечали бы их идеологии, поскольку по уровню развития культуры они достаточно разнородны, и бывшие колонии часто попадают под влияние непригодных для них институтов, насажденных извне метрополиями, и «застревают» в них. По данным эконометрического исследования П.Мауро, коэффициент корреляции показателя этнолингвистического распределения (степень многоязычия общества) и показателя коррупции составляет 0,39, что является существенным значением по сравнению с обычными уровнями, а коэффициент корреляции показателя коррупции и двух фиктивных переменных колониального статуса (была ли определенная страна колонией после 1776 г. или получила она независимость после 1945 г.) – соответственно 0,46 и 0,38, что является достаточно высоким значением по сравнению с обычными уровнями (*Mauro P., 1995*).

Местные правители колоний были далеки от современных стандартов государственной службы, а самих колонизаторов также вряд ли можно было считать образцом порядочности. Служба в колонии до XX в. рассматривалась, скорее, как способ инвестирования, от которого ждали хорошей прибыли для политика, который вступает на должность. В Испании, например, эта концепция отразилась в практике продажи определенных должностей в колониях на публичных аукционах. Руководитель колонии был обязан выплачивать вышестоящим инстанциям определенную сумму, своего рода взнос за «лицензию на занятие должности» (*Юхачев С., 2008*), что частично сохранилось и в современных олигархических экономиках (например, в Украине).

Для того, чтобы не возникло предвзятое представление, что концепция колониальной службы как «привилегии» возникла только потому, что большинство колоний в мире начинались как коммерческие предприятия, следует отметить, что еще в середине XIX в. для большей части Европы было характерно восприятие государственной должности как частной собственности, от которой новый владелец ожидал стабильного дохода либо весьма значительной прибыли. Выборные должности в Европе тоже не были исключением из этого правила. Разумеется, всегда существовали традиционные нормы, которые накладывали ограничения на то, сколько можно «выжать» из населения. Однако, современный административный контроль был бы невозможен, если бы не развитие в конце XIX в. концепции подотчетности правительства представительным законодательным органам (*Цуриков А., Цуриков В., 2007*).

*Особенности коррупции высокоразвитых стран.* Для большинства европейских государств XVIII-XIX вв. развитие правовых стандартов несения государственной службы было в значительной степени сугубо внутренним делом. Множество распространенных чиновничьих практик того периода, которые безусловно являются незаконными в нынешнее время, были либо узаконены, либо трактовались законом двусмысленно. В Англии, например, до тех пор, пока реформы государственных служб не вытеснили эту практику, корона регулярно распределяла или продавала огромное количество sinecur («постов без службы») и пенсий с расчетом на привлечение союзников или получения дополнительного дохода. И хотя тогдашние эксперты и протестовали

против подобных практик, однако такой патронаж не противоречил ни одному из существующих законов, пока «виги»<sup>1</sup>, руководствуясь собственными интересами, не провели необходимый закон через парламент (*Верстюк С., 2001*).

Сегодняшние высокие стандарты гражданского поведения, которые формировались на протяжении многих веков в Великобритании, являются результатом политических и законодательных мер, моральных изменений и эффективного социального контроля за государственными служащими. Эта страна имеет давние традиции борьбы с коррупцией, где система антикоррупционных механизмов урегулирована на высшем законодательном уровне. Первый закон о коррупции в государственных органах был принят еще в 1889 г., а законы о предупреждении коррупции (1906 г. и 1916 г.) были реакцией общества на распространение этого социально-политического и экономического явления. В отличие от традиционных правовых принципов, законы требовали от должностных лиц доказательства своей невиновности в нарушениях антикоррупционного законодательства. Однако, несмотря на такие превентивные меры, в начале 1920-х гг. в Великобритании разразился скандал по обвинению в продаже пэрских титулов сторонникам правящей партии, которые жертвовали большие суммы на ее предвыборные нужды. Этот скандал завершился отставкой тогдашнего премьер-министра Л. Джорджа, который за 1916-1922 гг. «построил» на торговле титулами целый бизнес. Для финансирования своей партии премьер издал закон, согласно которому продавал бизнесменам титулы британской монархии по твердым расценкам. Например, рыцарский титул оценивался в сумму от £ 10 тыс. до £ 15 тыс., баронство – от £ 35 тыс. до £ 50 тыс., пэрство – от £ 50 тыс. до £ 80 тыс., виконтство – от £ 80 тыс. до £ 120 тыс. (*Косарев А., 1961; Леонов А., 2006*). Цена титула определялась в каждом конкретном случае величиной банковского счета покупателя, который пожелал стать «благородным». В 1917 г. был подписан указ о новой награде – Ордене Британской Империи, который несколько лет спустя также стал объектом купли-продажи.

В 1922 г. разразился громкий скандал о присвоении пэрства теневому южноафриканскому бизнесмену Дж. Робинсону, что стало причиной отставки действующего премьера. Однако за 6 лет своей карьеры Л. Джордж продал сомнительным лицам более 1500 рыцарских титулов и около 100 пэрских, 25 тыс. граждан получили Орден Британской Империи (этот бизнес принес премьер-министру около £ 150 млн.) (*Леонов А., 2006*). Во избежание дальнейших злоупотреблений в сфере присвоения титулов в 1925 г. был принят специальный закон о присвоении наград и отличий, а также создана Комиссия по надзору за титулами.

Особенностью британского антикоррупционного законодательства стала чрезвычайно высокая роль институтов гражданского общества, которые следят за динамикой этого негативного явления. В основном общественные дебаты ведутся вокруг вопросов, связанных с лоббированием и покупкой политического влияния, проблемах изменения границ частной и государственной соб-

<sup>1</sup>Партия вигов (англ. Whigs) – партия в Англии, предшественница либеральной. Возникла в начале 1680-х гг. как группировка дворянской демократии и представителей крупной буржуазии, что пытались лишить наследников Якова II как протектора права на престол. Название дано оппозиции при Карле II (1679 г.) по имени шотландских пуритан (англ. Whigmore – прозвище шотландских крестьян). Виги выступали в поддержку закона 1680 г., который лишает Якова II права на наследование престола после Карла II. Сторонники власти короля Якова II получили в ответ кличку «тори» согласно ирландским прозвищам папистов, что опустошали страну для восстановления и защиты королевских прав. Находилась у власти непрерывно в 1714-1760 гг., во время правления этой партии началось промышленное и коммерческое развитие страны, проводилась энергичная внешняя политика. Во время Французской революции виги выступали за проведение в Англии парламентских реформ, а после проведения Закона о Реформах 1832 г. стали называться Либеральной партией.

ственности, моральным климатом, взяточничеством, злоупотреблениями служащих местных органов власти, полиции, таможенной службы и др. (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее распространенные виды коррупции в Великобритании\*

Вид	Характеристика
Политическая	Наиболее опасная форма коррупционной деятельности, связанная с нелегальным или скрытым финансированием политических партий (политических деятелей). Для такого финансирования используются деньги, полученные от взяток, уклонения от уплаты налогов, мошенничества, фиктивного банкротства, использования и принятия поддельных накладных, других преступлений. Субъектами политической коррупции выступают известные политические деятели, члены парламента и государственные служащие высшего звена. К разновидности политической коррупции относят и коррупцию в государственном секторе, когда преступления относятся к сфере местного самоуправления, а ее субъектами выступают служащие местных органов власти и другие чиновники, служебные полномочия которых связаны с социальным обеспечением граждан. Наиболее распространенным преступлением в этой сфере является использование государственных или общественных фондов в личных интересах.
Полицейская	Касается получения взятки полицейскими в связи с выполнением их служебных обязанностей. Также к этой категории относятся дисциплинарные правонарушения, совершенные полицейскими против граждан, связанные со злоупотреблением своей властью. Регулируются такие правонарушения, как уголовным законодательством, так и дисциплинарным уставом полицейской службы.
Банковская	Под коррумпированными банкирами понимают сотрудников банка, которые злоупотребляют своими функциональными обязанностями в корыстных интересах. Банки сочетают в себе, с одной стороны, функции компании, целью которой является получение прибыли, а с другой стороны, обладают функциями надзора за легитимностью финансовых операций. Так, например, в соответствии с законодательством Великобритании, направленным на борьбу с отмыванием денег, банковские служащие обязаны заявлять в полицию или Национальную службу криминальной разведки о любой подозрительной финансовой операции. Однако распространены случаи, когда банковские служащие «закрывают глаза» на подозрительные трансакции, получая за это определенное вознаграждение, или помогают мошенникам совершать преступления против банковского учреждения или других организаций, используя банк, в котором работают.

\*Составлено автором на основе (Леонов А., 2006; Косарев А., 1961; Осыка И., 1998)

Коррупционные процессы в Великобритании непосредственно отслеживаются так называемый Комитет Нолана, который был основан в октябре 1994 г. Его усилия сосредоточены на тех сферах общественной жизни, которые вызывают наибольшую обеспокоенность общественности: во-первых, члены парламента, работающие консультантами фирм, стремящихся влиять на государственную политику; во-вторых, бывшие министры и другие должностные лица, работающие в тех отраслях промышленности, регулированием которых прежде занимались в правительстве и т.д.

В 2006 г. впервые в истории Великобритании премьер-министр Т. Блэр был допрошен в качестве свидетеля по делу о коррупционном распределении мест в палате лордов. Т. Блэр докладывал представителю Скотланд-Ярда о механизме назначения пэров, которым руководил лично. Расследование скандала началось, когда четыре кандидата верхней палаты британского парламента

внесли значительные суммы в фонд Лейбористской партии, планировавшие стать лордами «за деньги», а поскольку эти суммы не были задекларированы, то для страны это вылилось в громкий финансово-коррупционный скандал. По некоторым версиям, именно эта коррупционная история не позволила бывшему премьер-министру Великобритании стать президентом Европейского союза, на должность которого в ноябре 2009 г. был назначен премьер-министр Бельгии Х. Ронпалу.

2009 г. также ознаменовался для королевства неслыханным «конституционным кризисом», подорвавшим доверие общественности к политическим лидерам и падение авторитета двух крупнейших партий Великобритании – лейбористов и консерваторов. Впервые за более чем 350 лет были отстранены от работы два члена верхней палаты парламента, которых обвинили во взяточничестве. Лордам инкриминировали внесение в действующее законодательство «оплачиваемых» изменений. Также в коррупционном скандале 2009 г. оказались замешаны парламентарии нижней палаты, присваивавшие государственные деньги, ежегодно выделявшиеся на расходы, связанные с их профессиональной деятельностью (проживание в Лондоне, содержание секретарей, почтовые и транспортные расходы и т.п.). Парламентариев, которые не по назначению использовали средства налогоплательщиков, заставили под давлением общественности возратить их в бюджет. 70% британцев считали, что в свое время премьер-министр Г. Браун не справился со своей работой и не достаточно жестко «наказал» виновных в расхищении бюджетных средств.

Несмотря на то, что Великобритания второй из стран Большой восьмерки после Франции ратифицировала Конвенцию ООН по борьбе с коррупцией, однако еще в 2005 г. Организация безопасности и сотрудничества Европы критиковала ее руководство за серьезные недостатки в борьбе с коррупцией, поскольку не было принято ни одного серьезного приговора по коррупционным делам.

*Особенности коррупции в странах с развивающимися рынками.* В отличие от большинства стран Западной Европы, логика бюрократической организации в других обществах может совершенно не соответствовать доминирующей социокультурной логике развитых стран. Если в Англии разработка политических и бюрократических правил и норм стала результатом длительного исторического процесса, то в странах Африки и Южной Азии существующая система законов в значительной мере основывается на колониальном наследстве. В результате этого функционирование административного аппарата, заимствованного из Европы, принимает искаженные формы. Более того, колониальные законы, смешиваясь с несвойственными им правилам, которые существовали в этих обществах к колонизации, образуют противоречивые и конфликтногенные нормы. Так, С. Козн сообщает, что в Нигерии «африканцы научились жить и действовать в рамках такой бюрократической системы, в которой именно незаконность является нормой» (*Sissener T., 2005*). «Мы склонны рационализировать статус-кво, потому что это дает нам ощущение, что все находится под контролем, и наша жизнь не будет преподносить нам сюрпризов. Люди ощущают психологическую потребность чувствовать себя комфортно. Никому не нравится, когда его критикуют. Людям не нравится, когда критикуют группу, к которой они принадлежат. Поэтому они часто рационализируют и защищают системы, частью которых они являются, и сложившийся статус-кво» (*Вудсом К., 2012*).

Новые правила и политические нормы колонизаторов чаще всего оказываются тяжело применяемыми к существующим реалиям колонизованных обществ. Кроме того, принципы организации работы государственной службы, установленные, например, британскими колонизаторами, по ряду причин кардинально отличаются от принципов, согласно которым аналогичные службы работают в самой Великобритании. Неэффективность, недоверие и недо-



вольство, вызванные конфликтом централизованной логики функционирования бюрократической системы с локальными социокультурными традициями, стали частью норм и культуры государственной службы, например, в Нигерии, еще задолго до того, как африканцы получили независимость и возможность самоуправления. От прежней системы они унаследовали неподходящий, несовместимый с местными условиями стиль управления колониальной администрации (Таксанов А., 2003).

Таким образом, важным заданием является рассмотрение коррупционного поведения как наследуемой практики рационального ожидания с точки зрения зависимости от предшествующего исторического развития общественных институтов. Так, среди причин возникновения коррупции нередко приводят «азиатский менталитет», который унаследовал советский народ, в т.ч. украинцы. Такому обществу присущи семейно-племенные традиции, то есть желание «пристроить получше» других членов семьи в случае, если кто-то из ее представителей достигнет определенного карьерного успеха. Взаимоотношения в таком обществе тем крепче, а уровень коррупции тем выше, чем более архаичным оно является. Коррупция здесь основывается на принципе «друзьям – все, врагам – закон». Характерными чертами такого менталитета является беспомощность и беззащитность людей перед произволом власти, процветание на всех уровнях управления кумовства, фаворитизма и т.п.

*Теории коррупционного поведения.* В результате систематических сравнительных исследований, посвященных изучению влияния культурных и политических факторов на коррупционное поведение, Д. Трисманом, Р. Мертоном и др. были собраны статистические данные, позволяющие констатировать взаимосвязь между уровнем коррупции и социальной структурой общества, его этнолингвистическим составом, распространением в нем определенных религиозных традиций. Например, исследования Д. Трисмана (*Treisman D., 2000*) убедительно доказывают, что целый ряд культурных и институциональных факторов способны как уменьшить, так и увеличить уровень коррупции. По мнению ученого, доминирование в религиозной структуре общества протестантского населения, а также длительное пребывание страны в составе британской колониальной империи, являются двумя существенными обстоятельствами, которые уменьшают уровень коррумпированности общества.

По мнению Д. Трисмана, британское колониальное влияние воспитало у населения больше уважение к процедуре, чем к авторитету власти. Судя по всему, стремление судей и государственных чиновников строго соблюдать установленные правила даже в тех случаях, когда такое поведение наносит ущерб интересам власти, способствует росту шансов по искоренению коррупции. Вполне вероятно, что британское наследие «подавляло» коррупционное поведение также благодаря своим положительным связям с демократией (*Treisman D., 2000*).

Связь между культурой и коррупцией помогают прояснить два социологических подхода, первый из которых касается семьи. Так, Э. Банфилд исследовал вопрос, каким образом крепкие семейные отношения (например, на юге Италии, в Сицилии) стимулируют высокий уровень коррупции. Истоки этой теории касаются времен Платона, который отметил, что тесные родственные связи, особенно между родителями и детьми, побуждают членов семьи руководствоваться преимущественно интересами семьи, т.е. практиковать nepotизм. По мнению Э. Банфилда, уровень коррупции зависит от прочности семейных ценностей, содержащих чувство долга (*Banfield E., 1958*).

В основе второго подхода лежат труды классика современной социологии Э. Дюркгейма, переосмысленные Р. Мертоном. В работе «Социальная теория и общественная структура» ученый приводит схему «целей и средств», которая объясняет, почему в разных странах существует различие в отношении к нарушителям антикоррупционного законодательства. Согласно теории

Р. Мертон, коррупция – это разновидность социального поведения, которое формируется под давлением общества и проявляется в нарушении установленных норм. Ученый отмечает, что социальная система мотивирует культурные цели, к которым стремятся индивиды, а также вводит средства достижения этих целей посредством конституционных норм. Тех, кто стремится к цели, используя только социально оправданные средства, можно назвать конформистами. Но социальная система побуждает достигать высоких доходов или общественного признания также и тех, чьи возможности (вследствие расовой принадлежности, недостатка соответствующих навыков, капитала) ограничены (Merton R.K., 1968).

Теория Р. Мертона доказывает, что культурам, которые ориентируются на экономический успех, игнорируя при этом принцип равенства возможностей, присущий более высокой уровень коррупции. Подтверждение этой гипотезы содержится в результатах исследований *World Values Survey*, которые доказывают наличие устойчивой связи между культурной мотивацией и коррупцией.

Отдельные случаи также вполне вписываются в предложенную аналитическую основу. Чем беднее страны, настроенные на успех, тем более коррумпированными они становятся. Например, в Южной Корее, Турции, России, Украине личный успех ценится достаточно высоко, однако именно эти страны и относятся к наиболее коррумпированным. И наоборот, в тех странах, где не слишком подчеркивают важность успеха, а граждане имеют равные возможности и права, коррупция распространена значительно меньше. Примером таких стран являются Дания, Швеция и Норвегия. В этих государствах, как показано на рис. 1, меньше ценят личные достижения, что не стимулирует граждан уклоняться от прописанных норм и правил.

Основой скандинавского феномена является особая связь между мотивацией к успеху и структурно дифференцированным доступом к социальным возможностям. Как ни странно, ориентация на личные достижения достаточно сильно отрицательно коррелирует со средним доходом на душу населения, что, со своей стороны, предполагает наличие следующей закономерности: чем богаче страна, тем меньше оказывается культурная направленность на успех. На первый взгляд, подобные ситуации могут противоречить выводам, изложенным М. Вебером в теории культуры (Weber M., 1968).

Впрочем, следует отметить, что, изучая влияние религиозных ценностей на экономическое развитие, М. Вебер отметил снижение положительного влияния протестантизма в мире по мере того, как возрастает экономическая эффективность. Таким образом, можно сделать вывод, что хотя богатые страны когда-то превозносили личный успех, по мнению Дж. Адамс (Adams J.S., 1986), достигнув благосостояния, их граждане черпают вдохновение в ценностях, которые не имеют отношения к финансово-экономической мотивации (например, в литературе, музыке, искусстве). С другой стороны, элита и средний класс некоторых развивающихся стран, реагируя на свой сравнительно низкий уровень материального благосостояния, способны продуцировать более высокую экономическую мотивацию.

Как было указано выше, было доказано, что коррупция «поражает» прежде всего те страны, в которых четко выраженная ориентация на личный успех сочетается с нехваткой доступа к средствам его достижения. Эта взаимосвязь является достаточно прочной и статистически весомой. Изменение показателя, который отражает ориентацию национальной культуры на личный успех, лишь на 1,1 пункта (при стандартной девиации от 1 до 5) ассоциируется с изменением коррупционного рейтинга на 0,5 пункта (Becker G., 1974; Merton R.K., 1968).

По нашему мнению, коррупционное поведение в большей степени является проявлением партикуляризма: в пораженных ним социально-экономических системах помогают, например, ресурсами, лишь тем, по отношению к кому

есть личные обязательства. Прежде всего, это члены семьи, а также родственники и близкие друзья. Очевидным проявлением такой практики становится nepотизм. По мнению М.Вебера, принцип личной лояльности и рынок – вещи несовместимые (Weber M., 1968). Антитезой партикуляризма выступает универсализм, то есть применение ко всем одинаковых стандартов, а поскольку рыночные нормы являются универсальными, то «чистый» капитализм поддерживается именно универсальными ценностями.

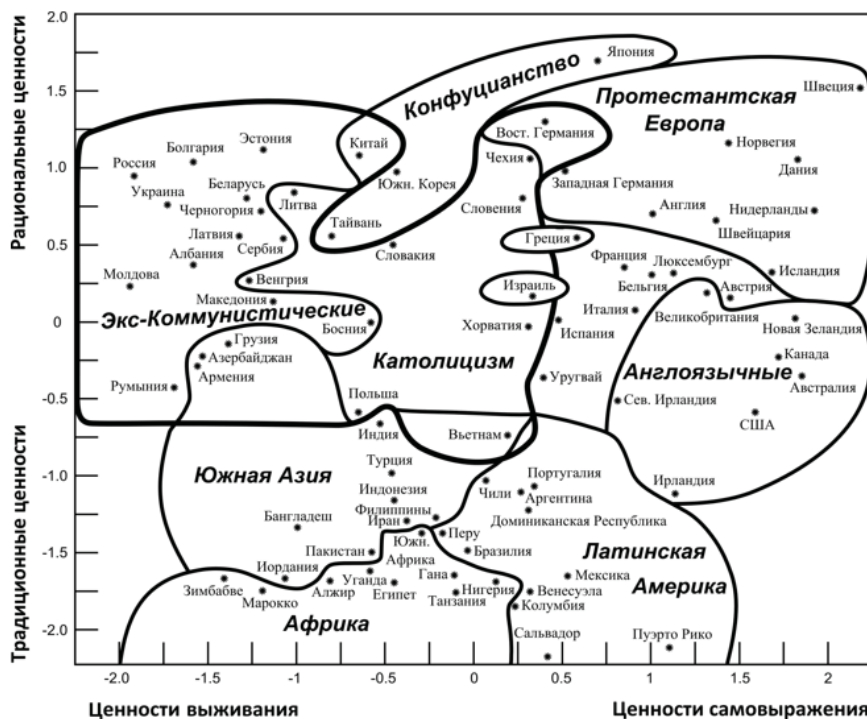


Рис. 1. Шкала рациональности и доминирующих ценностей в экономических системах

Источник: The World Value Survey Cultural Map (2010-2012) <http://www.worldvaluessurvey.org>.

Пытаясь понять возрастающее значение капитализма в протестантских культурах, М. Вебер отмечал, что в доиндустриальных католических обществах доминировали коммунитарные нормы, которые требовали от социума, семьи и господствующих классов помощи наименее успешным. Изучая Южную Италию, Э. Банфилд углубил этот анализ, предложив понятие «аморальной семейственности». По его мнению (Banfield E., 1958), этот термин означает культуру, которой не хватает коммунитарных ценностей, но при этом активно поощряются родственные связи. Ученый отмечает: «В обществе аморальной семейственности никто не будет заботиться об интересах групп или общин без корыстных оснований» (Banfield E., 1958). Здесь практически отсутствует лояльность к «большому сообществу» или уважение к нормам поведения, которые требуют помогать ближним. Иными словами, подобная семействен-



ность является аморальной, она вызывает коррупцию и стимулирует отход от универсальных этических принципов. Согласно такой логике хорошим является только то, что «в пользу тебе и твоей семье». Чрезвычайным проявлением аморальной семейственности является мафия. Фактически, Э.Банфилд утверждает, что за коррупцией в Южной Италии и других подобных традиционных обществах стоят те же силы, которые подпитывают активность мафиозных кланов (*Banfield E., 1958*).

Согласно проведенному в 1990 г. Всемирному опросу по изучению ценностей, а также статистике *World Bank*, были получены данные, с помощью которых можно построить «шкалу родства». Во внимание принимаются три показателя: 1) первый отражает уровень безоговорочного уважения родителей и определяется процентом людей, согласных с тем, что родителей нужно уважать и любить, несмотря на все их недостатки; 2) второй показатель – процент людей, считающих развод допустимым явлением; 3) третий показатель демонстрирует среднее количество детей, приходящееся на одну женщину (коэффициент фертильности). Страны, которые по этой шкале являются лидерами, обычно относят к наиболее коррумпированным. Это касается большинства азиатских стран, известных своими крепкими семейными связями. С другой стороны, граждане скандинавских стран, являющиеся более индивидуалистично ориентированными и законопослушными, практически не «страдают» от коррупции. Итак, «шкала родства» и индекс восприятия коррупции тесно коррелируют друг с другом. Эта связь проявляется и при сопоставлении уровня коррупции со средним доходом на душу населения. Модель, которая включает «шкалу родства», ориентацию на личный успех и покупательную способность во многом объясняет вариацию индекса восприятия коррупции.

Относительно влияния религии на коррумпированность экономических агентов, то протестантизм тесно связан со способом восприятия коррупции. Эта взаимосвязь, несколько ослабевая, продолжает оставаться довольно существенной даже в том случае, если ее сопоставлять со средним доходом на душу населения, что позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемая зависимость по крайней мере на 1/4 обусловлена высоким уровнем доходов или экономическими успехами протестантов. Таким образом, остальные 3/4 связи протестантизма и коррупции мотивированы именно культурными факторами.

Исследование связи между шкалой достижений и процентом протестантов в стране апеллирует к тому, что протестанты сегодня все меньше занимаются личным карьерным успехом. Несмотря на то, что М.Вебер подчеркивал, что ориентированность на личные достижения присуща им в большей степени, чем католикам или иным традиционалистам (*Weber M., 1968*), это практически уже не соответствует действительности. Сегодня, когда граждане большинства протестантских стран достигли материального благополучия, возникли основания для предположения о том, что фокус их ценностей кардинально изменился. На основании вышеизложенного, сформулируем гипотезу: шкала индивидуальных достижений отрицательно коррелирует с долей протестантов среди населения каждой конкретной страны. Иными словами, чем больше протестантов, тем менее заметна ориентация на личный успех. Именно благодаря этому уровень коррупции в протестантских странах, по сравнению с католическими, существенно ниже.

По логике Р. Мертона, присущий состоятельным обществам широкий доступ к экономическим ресурсам также снижает уровень коррупции в протестантских странах, которые, в основном являются более успешными по ряду социально-экономических индикаторов. В табл. 2 приведены результаты экономико-математического моделирования взаимосвязи уровня коррупции с основными экономическими, институциональными и политико-правовыми индексами.

Матрица взаимосвязи CPI с социально-экономическими и политико-институциональными индикаторами

	Обратная связь	Прямая связь
Тесная (> 0,7)	<p>Индекс управления (<math>R^2 = 0,869</math>; <math>y = 114,1 - 12,5x</math>);</p> <p>Индекс недееспособности государств (<math>R^2 = 0,865</math>; <math>y = 105,3 - 9,15x</math>);</p> <p>Индекс предпринимательства (<math>R^2 = 0,837</math>; <math>y = 99,6 - 10,7x</math>);</p> <p>Легатум-индекс (<math>R^2 = 0,789</math>; <math>y = 97,8 - 10,5x</math>);</p> <p>Индекс безопасности (<math>R^2 = 0,755</math>; <math>y = 103,9 - 10,9x</math>);</p> <p>Индекс развития экономики (<math>R^2 = 0,727</math>; <math>y = 90,9 - 9,5x</math>);</p> <p>Развитие здоровья (<math>R^2 = 0,712</math>; <math>y = 94,1 - 10,0x</math>);</p>	<p>Индекс IT-конкурентоспособности (<math>R^2 = 0,955</math>; <math>y = 8,2 + 6,92x</math>);</p> <p>Защита прав собственности (<math>R^2 = 0,907</math>; <math>y = 3,8 + 10,1x</math>);</p> <p>Глобальный инновационный индекс (<math>R^2 = 0,9</math>; <math>y = 18,4 + 4,76x</math>);</p> <p>Бизнес-этика (<math>R^2 = 0,897</math>; <math>y = 2,16 + 0,474x</math>);</p> <p>Душевой ВВП (<math>R^2 = 0,884</math>; <math>y = -6591 + 5130x</math>);</p> <p>Индекс глобальной конкурентоспособности (<math>R^2 = 0,869</math>; <math>y = 3,4 + 0,225x</math>);</p> <p>Инвестиционная свобода (<math>R^2 = 0,726</math>; <math>y = 13,2 + 8,0x</math>);</p> <p>Индекс экономической свободы (<math>R^2 = 0,714</math>; <math>y = 42,6 + 3,9x</math>);</p>
Средняя (0,4-0,7)	<p>Индекс личной свободы (<math>R^2 = 0,697</math>; <math>y = 95,5 - 9,9x</math>);</p> <p>Индекс свободы прессы (<math>R^2 = 0,619</math>; <math>y = 80,0 - 9,45x</math>);</p> <p>Развитие образования (<math>R^2 = 0,592</math>; <math>y = 86,4 - 8,4x</math>);</p> <p>Развитие социального капитала (<math>R^2 = 0,554</math>; <math>y = 81,1 - 8,0x</math>);</p>	<p>Индекс взяточничества (<math>R^2 = 0,692</math>; <math>y = 6,32 + 0,25x</math>);</p> <p>Индекс демократии (<math>R^2 = 0,673</math>; <math>y = 3,3 + 0,64x</math>);</p> <p>Индекс развития человеческого потенциала (<math>R^2 = 0,641</math>; <math>y = 0,53 + 0,045x</math>);</p> <p>Финансовая свобода (<math>R^2 = 0,627</math>; <math>y = 26,9 + 5,8x</math>);</p> <p>Средняя продолжительность жизни (<math>R^2 = 0,594</math>; <math>y = 61,6 + 2,3x</math>);</p> <p>Свобода бизнеса (<math>R^2 = 0,574</math>; <math>y = 47,1 + 5,1x</math>);</p> <p>Свобода торговли (<math>R^2 = 0,564</math>; <math>y = 64,5 + 2,7x</math>);</p> <p>Индекс грамотности (<math>R^2 = 0,522</math>; <math>y = 10,5 + 0,7x</math>);</p> <p>Индекс образования (<math>R^2 = 0,413</math>; <math>y = 6,3 + 0,6x</math>);</p>
Слабая (< 0,4)	<p>Налоговая свобода (<math>R^2 = 0,385</math>; <math>y = 88,0 - 3,2x</math>);</p> <p>Уровень инфляции (<math>R^2 = 0,313</math>; <math>y = 10,15 - 1,05x</math>);</p> <p>Уровень безработицы (<math>R^2 = 0,089</math>; <math>y = 22,0 - 1,9x</math>);</p> <p>Глобальный индекс благосостояния (<math>R^2 = 0,00</math>; <math>y = 44,3 - 0,015x</math>).</p>	<p>Уровень налоговой нагрузки (<math>R^2 = 0,37</math>; <math>y = 14,3 + 2,5x</math>);</p> <p>Индекс благотворительности (<math>R^2 = 0,318</math>; <math>y = 24,9 + 2,3x</math>);</p> <p>Уровень государственных расходов (<math>R^2 = 0,318</math>; <math>y = 77,7 + 5,3x</math>);</p> <p>Монетарная свобода (<math>R^2 = 0,295</math>; <math>y = 58,8 + 2,8x</math>);</p> <p>Свобода трудовых отношений (<math>R^2 = 0,153</math>; <math>y = 50,2 + 2,5x</math>).</p>

Правительства католических государств склонны больше вмешиваться в экономику и ограничивать экономическую свободу, в то время как протестантские страны более ориентированы на свободный рынок. В результате, индекс

экономической свободы положительно коррелирует с протестантизмом: чем больше доля протестантов в стране, тем больший уровень индекса экономической свободы. К тому же, высокий уровень доверия граждан к государственным и негосударственным институтам (социальный капитал) так же способствует минимизации коррупционной составляющей экономики (рис. 2).

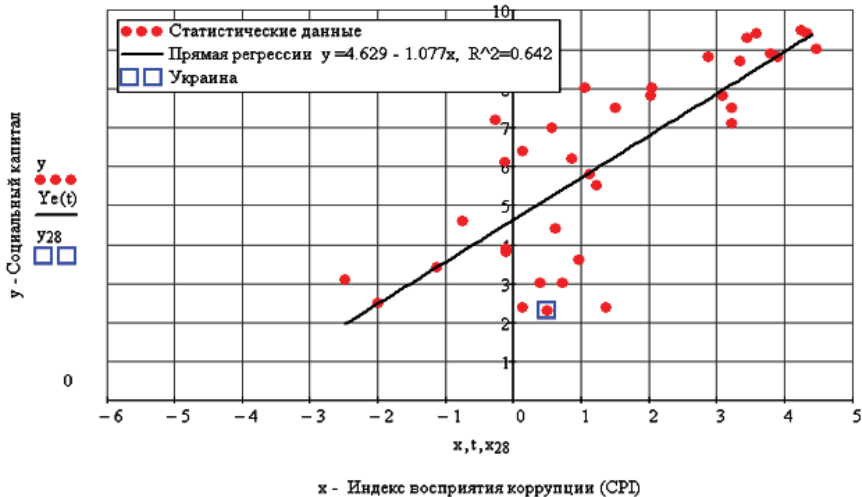


Рис. 2. Корреляционно-регрессионная модель взаимосвязи уровня коррупции и уровня развития социального капитала в странах мира (2009-2012 гг.)

Наконец, тезис Э.Банфилда про «аморальное родство» предлагает еще одно основательное объяснение того, почему католические страны более подвержены коррупции, чем протестантские. Известно, что католический мир поощряет коммунарные и семейные ценности, тогда как протестантский опирается на индивидуализм и самодостаточность. Результаты опросов WVS подтверждают этот вывод. Как отмечалось выше (см. рис. 1), родственность (или ее отсутствие) становится главной опосредованной переменной между протестантизмом и коррупцией.

Указанные выводы логически согласуются с теорией С. Шварца, которая апеллирует к культурным ценностям в ориентации стран в рамках триады «(не) равенство – (не) зависимость – (не) вмешательство» (Schwartz S.H., 2006). Так, рассматривая особенности взаимодействия индивида и группы, С.Шварц выделяет автономные (*Autonomy*) и зависимые культуры (*Embeddedness*). Автономные культуры рассматривают индивидов как независимых субъектов, которые должны изыскивать цели развития в своей самобытности и уникальности, следовать внутренним предпочтениям, чувствам и мотивациям. Здесь можно выделить интеллектуальную автономию (*Intellectual autonomy*), апеллирующую к собственным идеям и креативному мышлению индивида, а также эмоциональную автономию (*Affective autonomy*), обращающуюся к эмоциональному положительному опыту индивидов. Зависимые культуры, в противовес автономным, рассматривают индивидов исключительно как вовлеченных в коллективные действия через плотные социальные связи, идентификацию себя внутри группы, реализацию коллективных социальных целей (во внимание принимаются многочисленные социальные нормы и уважение к традициям).

Рассматривая особенности социальной структуры общества, ученый предложил выделение иерархической системы ценностей (*Hierarchy*), при которой легитимно существует неравное распределение власти, ролей и ресурсов, а коллективные интересы доминируют над индивидуальными, и эгалитарной (*Egalitarianism*), когда все члены общества рассматриваются как равноправные и равноценные, и кооперируются исключительно для достижения собственных интересов.

В урегулировании отношений социума и природы С. Шварц выделил два типа поведения индивидов: 1) активное самоутверждение (*Mastery*) с целью изменения окружающей среды для удовлетворения как личных, так и коллективных целей; 2) гармоничное сосуществование (*Harmony*) с миром, проявляющееся в стремлении понять и адаптироваться к окружению больше, чем видоизменить его.

Итак, на карте культурных ориентиров (рис. 3) представлены три биполярных измерения культуры: автономия (*Autonomy*) против зависимости (*Embeddedness*), иерархия (*Hierarchy*) против эгалитаризма (*Egalitarianism*), вмешательство (*Mastery*) против гармонии (*Harmony*).

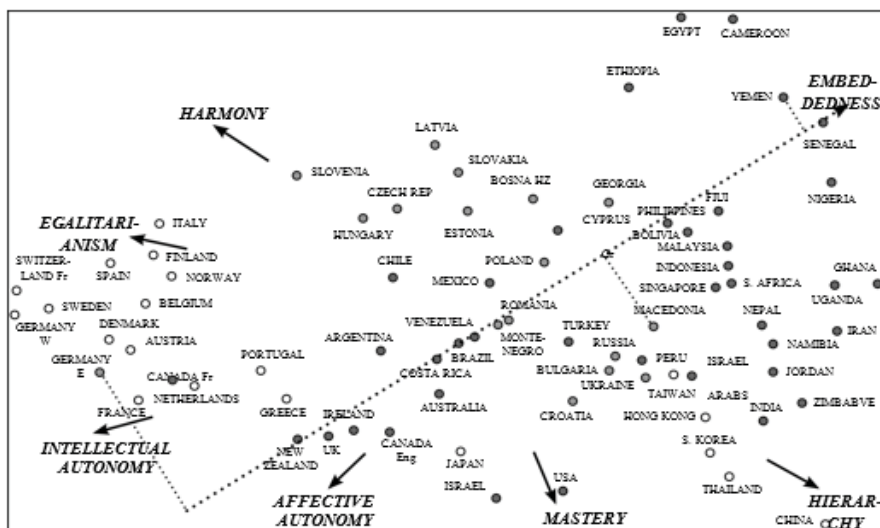


Рис. 3. Карта культурных ориентиров

Источник: Schwartz S.H. A Theory of Culture Value Orientations: Explication and Applications / S.H.Schwartz // *Comparative Sociology*. –2006. –Vol.5. –p.137-182.

Распространяя теорию культурных ориентиров С.Шварца на сферу коррупционной деятельности, можно утверждать, что страны, культуре которых присуща интеллектуальная автономия, эгалитаризм и гармония в отношении с природой (страны Западной Европы, в т.ч. Скандинавские) характеризуются меньшим уровнем коррумпированности, чем страны с зависимыми культурами, высоким уровнем развития иерархических отношений и стремлением изменить окружающую среду (страны Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки, СНГ).

Итак, возникновение развитых экономических систем в странах Западной Европы способствовало формированию рациональных предпочтений индиви-

дов, уменьшению количества членов семьи, социальной мобильности и универсальности – элементы, являющиеся признаками модернизма в противовес традиционализма. В общем, этот процесс характеризуется своеобразным упадком семьи и отказом от партикулярных подходов к взаимопомощи, которые сдерживали развитые рыночных отношений. Присущий азиатским странам упор на групповой ответственности, прежде всего в отношении семьи, более заметен, чем в странах Америки или Европы, и влечет за собой высокий уровень коррупции. Согласно выводам «*Transparency International*», коррупционные показатели развитых восточноазиатских стран существенно превышают средние по выборке (*Bribe Payers Index, 2011*). Лишь Япония является исключением из этого правила, а само существование японского феномена свидетельствует о том, что законы и правила нарушаются здесь значительно реже именно потому, что такое поведение позорит семью (фирму) и бесчестит самого нарушителя.

Бывшие коммунистические страны, за исключением разве что Венгрии и Чехии, относятся ко второй части «коррупционного списка». Именно им в различной степени присуще сочетание родства, государственного коммуитаризма<sup>2</sup>, иерархической религиозной культуры (католической или православной) и партийного партикуляризма, который в коммунистические времена приводил к небывалому расцвету коррупции.

**Выводы.** Резюмируя добавим, что теории коррупции, апеллирующие к социокультурным ее проявлениям, оказывают влияние на поведение многих народов. Если рациональные рыночные ценности и законность смогут «взять верх» в наименее развитых экономиках, а также странах бывшего социалистического лагеря, то уровень коррупции там существенно снизится. Именно это произошло в свое время с такими успешными сегодня и полностью рыночными экономиками, как Гонконг, Тайвань и Сингапур.

Скандинавский феномен законопослушания и практически полного отсутствия коррупции является результатом гармоничных отношений между отдельной личностью и обществом в целом. Не случайно, например, Дания или Финляндия являются олицетворением «общества всеобщего благоденствия». Важным является и тот факт, что в скандинавских странах разные по уровню доходов слои населения пользуются равными социальными возможностями (подражание закону Янте)<sup>3</sup>. В скандинавских странах основное религиозное течение – протестантизм, а, как известно, в протестантской морали заложена ответственность каждого за общий закон. К тому же, общественные отношения здесь принято ценить значительно выше родственных и скандинавы, не ха-

<sup>2</sup>Коммунитаризм (от лат. *Communitas* – сообщество, община) – направление социальной философии и политической идеологии, возникшее в США в 1980 г. как критическая реакция на философию Дж.Ролза, а именно его книгу «*A Theory of Justice*» (1971 г.). Позже в западноевропейской философии было замечено, что развитие идей коммунитаризма полностью лежит в русле традиции, идущей от Ф.Тьонниса. Коммунитаристы критикуют индивидуалистическую либеральную антропологию, которая не учитывает того, что социальная общность является условием и залогом реализации социальной свободы, критикуют социалистов за то, что они верят в способность государства защитить коммунитарное сообщество от распада. Идеал коммунитаристив – ассоциативная микрообщина, которую государство не должно ни охранять, ни контролировать, существующая как самодостаточное сообщество индивидов (не просто сумма индивидов). Коммунитаристив критикуют за их «утопическую антропологию».

<sup>3</sup>Закон Янте (*Janteloven*) – «не думай, что ты особенный» – сформулирован в 1933 г. датским писателем А.Сандемусе в романе «Беглец пересекает свой след». События, описанные в произведении, происходят в воображаемом городе Янте, жители которого проживают в равенстве, которое гарантирует комплекс неписаных правил. Любая попытка их нарушить карается общественным презрением.



рактикуются чрезмерной семейственностью, которая часто служит основой для злоупотребления властью (непотизм, фаворитизм), с коррупцией в быту практически не сталкиваются.

***Список литературы***

1. Adams J.S. Housing Markets in the Twilight of Materialism / J.S.Adams // Professional Geographer. –1986. –№38(3). –p.233-237.
2. Banfield E. The Moral Basis of a Backward Society / E.Banfield. –Chicago: Free Press, 1958. –204 p.
3. Becker G. Essays in the Economics of Crime and Punishment / G.Becker. –USA: Columbia University Press, 1974. –268 p.
4. Bribe Payers Index 2011 [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://www.transparency.org>.